Л.А. Микешина*

Г.Г. ШПЕТ КАК МЕТОДОЛОГ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

В данной статье ставится задача осмыслить современное значение результатов исследования Г.Г. Шпетом в работе «История как проблема логики» проблемы становления и развития исторического знания как науки в европейской философии с начала XVIII в. и до спорных идей И. Канта. По Шпету, логика истории не есть принципиально новая логика, это «та же логика, но специфицированная сообразно особенностям исторического предмета».

Ключевые слова: философия, логика истории, реконструкция, Г.Г. Шпет, И. Хладениус, И. Кант, эпоха Просвещения

Gustav Shpet as a methodologist of historical knowledge. LYUDMILA A MIKESHINA (Moscow Pedagogical State University)

The paper formulates a task to comprehend today's significance of the results of Gustav Shpet's investigation in his work «History as a problem of logic» into the emergence and development of historical knowledge as a science in European philosophy from the beginning of the XVIIIth century up to I. Kant's debatable ideas. According to Shpet, the logic of history is not a fundamentally new logic, but rather «the same logic, but specified according to the peculiarities of the historical subject».

Keywords: philosophy, logic of history, reconstruction, G.G. Shpet, J. Chladenius, I. Kant, Enlightenment

Густав Густавович Шпет (1870–1937) – крупнейший русский философ, охвативший и создавший в отечественной философии основные направления исследования гуманитарных и социальных наук, которые разрабатываются сегодня как актуальные и перспективные не только для XX, но и для XXI вв. Сегодня очевидно, что до сих пор в нашей стране никто не достиг таких глубин и высот в изучении гуманитарного знания как системы самостоятельных наук разного типа, каких достиг Шпет. Поставленные и исследованные им общеполитические и собственно методологические проблемы социальных и гуманитарных наук значимы и сегодня, более того, необходимость их исследования

приобретают все более современный и актуальный характер. Следует, по-видимому, различить и сопоставить проблемы, которые ставил и исследовал Шпет в их конкретном контексте своего времени, и те же проблемы, которые получили дальнейшее развитие уже в современном их видении и понимании, но с опорой на его исходные идеи. Понять и оценить эту ситуацию стало возможным в результате и в контексте современных исследований и в первую очередь проф. Т.Г. Щедриной, профессиональный исследовательский труд и реконструкции которой представили нам в новом издании с обстоятельными научными комментариями публикации и рукописи Г.Г. Шпета. Заново изучены не толь-

* МИКЕШИНА Людмила Александровна, доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета.

E-mail: mickeshina.lyudmila@yandex.ru

© Микешина Л.А., 2018

** Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ. Проект № 18-011-01187.

ко изданные при жизни философа тексты, но и большинство рукописных, неизданных. Особый жанр и способ работы, представленный как исследование с позиций, научно обоснованных уникальным специалистом по текстам Шпета, – это *реконструкция*, правомерность и предельная сложность, постижение намерений самого автора которой специально обоснована [6; 7]. Особое значение имеет новое издание «Истории как проблемы логики» в двух частях – реконструкция с обстоятельным постраничным комментарием и восстановленными замечаниями и сносками автора.

Получив многотомное новое издание с подробным научным комментарием Т.Г. Щедриной, отечественные и зарубежные исследователи реализуют возможность осуществить современные исследования работ и идей Г.Г. Шпета, что нашло также отражение во вновь изданном томе в серии «Философия России первой половины XX века» (к 125-летию Г.Г. Шпета, ред. Т.Г. Щедрина, 2014), где представлены идеи, размышления и оценки трудов и идей с позиций современных специалистов, в том числе Шпета. Таким образом, с полной ответственностью можно утверждать, что имя Г.Г. Шпета и его труды в полной мере восстановлены для отечественных и зарубежных исследователей важнейших проблем герменевтического, исторического и языковедческого направлений научного социально-гуманитарного познания. С публикацией трудов Шпета, начиная с герменевтики в журнальном варианте, появилась также возможность более полного исследования феноменологических идей в гуманитарном и языковедческом контексте, что представляет особый интерес, так как это направление все еще не в полной мере освоено современными отечественными философами. До сих пор остается уникальным исследование Шпетом истории как проблемы логики, соотношения логики исторического знания, герменевтики и философии, имеющего несомненное значение для гуманитарного знания, но в полной мере не осмыслено и сегодня, несмотря на то, что потребность в особой логике для этого типа знания признается все большим числом исследователей.

Сегодня уже можно утверждать, что в истории отечественной философии, при всех успехах в современном развитии эпистемологии гуманитарного знания, Г.Г. Шпет по-прежнему во многих базовых проблемах, в частности исторического знания, занимает ведущее место. И прежде всего по таким «показателям»,

как глубина, новизна и оригинальность, обстоятельность и обширность поставленных, по-своему убедительно решаемых и сегодня не потерявших свое значение логико-методологических проблем гуманитарного знания. Все это было до поры забыто или даже утрачено в годы господства абстрактного гносеологизма, теории отражения и борьбы с идеализмом, а также всеобщего «поклонения» и абсолютизации методологии диалектического и исторического материализма. В этом «контексте» глубокие идеи и самостоятельные учения, концепции выдающегося русского философа, пролежавшие почти век в архивах «без движения», просто не могли быть освоены представителями теории познания, историками и представителями немарксистской методологии.

Шпет изначально был уверен в самостоятельности гуманитарной науки, ее теорий и методов и никогда не принимал позитивистской позиции с ее методологией «единого научного метода» как условия статуса науки. Главные темы и проблемы, оригинально и убедительно разработанные Шпетом как крупнейшим и глубоким философом и методологом гуманитарной науки, – это основа для существенного расширения и углубления проблематики социально-гуманитарного знания и сегодня, а не только век назад. Почему возрастает актуальность разработанной в прошлом веке русским философом логики и философии гуманитарного знания? Вижу в этом несколько причин. Прежде всего причины, лежащие в основе развития философии познания в целом.

«Присутствие “Я” не ставится под вопрос» – эта мысль Хайдеггера принципиальна для оценки теории познания не только Декарта. «Ставится под вопрос – или еще меньше того, остается за скобками и не осмысливается – всегда только знание, сознание вещей, объектов или, далее, субъектов, и то лишь для того, чтобы сделать еще более убедительной предвосхищаемую достоверность; но само присутствие никогда под вопрос не ставится. Картезианская установка в философии принципиально не может поставить присутствие человека под вопрос; она тогда заранее погубила бы себя в своем специфическом замысле» [3, с. 342–343]. Мысль Декарта, ставшая хрестоматийной, – это единство метода и правил морали. «Моральная достоверность» означала высшее состояние личной убежденности человека в истинности данного положения. Термин пришел из теологии, но как важнейшее понятие философии XVII в. принимался не

только Декартом, но также Лейбницем и Локком. Многие идеи «физики гипотез» Декарта могут претендовать на статус морально достоверной истины, но не абсолютно достоверного знания. В целом очевидно, что Декарт, выявляя различные ипостаси «Я» и осуществляя рефлексию над ними, вовсе не стремился решить проблемы познания, в частности, истинности, достоверности, путем полного исключения эмпирического субъекта, и само присутствие целостного познающего человека никогда им под вопрос не ставилось. Декарт искал способы преодоления заблуждений и предрассудков, несовершенства разума, разрабатывая для этого «правила для ума» и правила метода, стремился обыденное сознание поднять до уровня научного. Казалось бы, именно эта интенция Декарта вместе с его рационалистическими принципами должна была лечь в основание европейского рационализма и Просвещения. Но произошла своего рода абберация: его критика чувственного познания, «радикальное сомнение», рациональные принципы в дальнейшем огрубляются, абсолютизируются; поиск средств осознания познавательных возможностей человека, способов преодоления ошибок и заблуждений «выродился» в утопическое представление о чистом *ratio*, обеспечивающем объективную истинность знания. Иными словами, именно элиминация человека из метафизики познания стала рассматриваться как условие истинности-достоверности, а последовательные рационалисты предстали более картезианцами, чем сам Декарт.

Сегодня в начале XXI в. философия познания достигла нового уровня в своем развитии, она не может удовлетвориться предельно абстрактным трансцендентальным субъектом как условием истинности и научности знания, изолируя его от системы культурно-исторических и нравственных ценностей. Субъект стал не «вторичным» по отношению к объекту, но вышел, что обосновано сегодня, на первый план в понимании и способов (методов) познания, применения, развития, создания объекта. Осознано, что активность субъекта не сводится к «субъективизму», а является необходимым условием объективно истинного познания объекта. Разумеется, это существенно осложнило сам процесс познания, как обыденного, так и тем более научного, что и изменило современную философию познания, существенно осложнившуюся, но и разработавшую множество новых конкретных средств и принципов. Многие из

уже существующих как бы заново открыты как средство познания (репрезентация, интерпретация, конвенция, категоризация, коммуникативность или intersубъективность), где субъект и его ценности значимы и способствуют созданию и совершенствованию методов [1; 2].

Этот контекст необходим, чтобы понять, что Шпет значительно ранее многих, либо почти одновременно с известными европейскими философами – герменевтиками, феноменологами, логиками, представителями гуманитарного познания, в первую очередь истории, осознал наступающее изменение в господствующей классической рациональности, а также предельно абстрактной трансцендентальной гносеологии, ее неполноту и недостаточность, необходимость существенного обогащения в целом философии познания. Следует отметить, что трудности этого процесса связаны также с идеалами позитивизма, господствующими в естественных науках, по образцу которых, чтобы получить статус, должны были формироваться и социально-гуманитарные науки. Уже в начале XX в. в полной мере это понимал Шпет, чем и объясняется фундаментальная и обширная проблематика его философских и логико-методологических исследований в сфере гуманитарного, особенно исторического научного знания и герменевтики.

История и логика

Особенно фундаментально Шпет разработал проблему логики в истории, что до сих пор в полной мере не оценено ни логиками, эпистемологами, ни методологами истории. Исследуя проблему на обширном материале – работах европейских философов и логиков предшествующих веков, он с вниманием относился и к размышлениям отечественных историков о природе этой науки. Так, Шпет, ссылаясь непосредственно на историка Д.М. Петрушевского и его статью-предисловие к «Очеркам» издания 1913 г., писал: «Начавшаяся в самое последнее время энергичная работа философско-критического пересмотра основных исторических (социологических) понятий... обещающая очень ценные результаты для общественной философии и науки... успела уже поколебать немало общепризнанных воззрений и давно утвердившихся в исторической науке рубрик, схем и классификаций, показав всю их, в лучшем случае, поверхностность и наивную (в философском смысле) субъективность, и поставила ряд вопросов там, где до сих пор ца-

рила догматическая уверенность и определенность» [4, с. 14]¹.

Шпет исследует науку историю как проблему логики в своеобразном контексте противостояния, с одной стороны, позитивизма как тенденции «к принципиальному отрицанию философии, ...признанию одного только специального знания», а с другой – материализма как «догматическую объяснительную метафизическую систему». И в том, и в другом случае, что важно, «истина, оказывается, не есть, как бытие в действительном мире, а она – только в нашем познании», соответственно, появляется необходимость выбирать между «теорией познаваемого» – реальной истории и «теорией познания» – логикой, методами познания «социального» и «исторического». Ситуация осложняется тем, что «история есть по существу наука не техническая, а *герменевтическая*», т. е. познается «путем интерпретации и уразумения». В отличие от философии истории «история как наука имеет своим предметом тот же исторический процесс, но не в истолковании его онтологического носителя, а в изображении этого процесса в его эмпирическом обнаружении» [4, с. 34]. Подчеркивая эту важную особенность исторической науки, Шпет делает важное, по моему мнению, замечание: «Исторические теории суть не менее теории, чем теории физики или биологии, какие бы свои особенности не имели эти теории и науки. Кажущееся противоречие между единичным и неповторяющимся характером исторических явлений и закономерностью явлений «природы», проистекающей именно из повторения их, является в результате только совершенно произвольного отождествления теоретического и подчиненного «закону». ... История может не быть наукой законоустанавливающей и тем не менее она есть наука объяснительная, т. е. наука, логической задачей которой является установление объяснительных теорий» [4, с. 34]. За этим утверждением я вижу важную проблему статуса исторических законов – критику гегелевского историцизма, осуществленную, как известно, К. Поппером позже, начиная с 1930-х гг. Очевидно, что Шпет не отождествляет и не уравнивает по статусу и происхождению законы природы и законы общества, но вместе с тем настаивает на объективной значимости последних и их возможной (необходимой) объективности в историческом

и социальном научном знании. Он считает необходимым также указать на морализирующую и даже «резонирующую» роль телеологии как целеполагания – своего рода «методологии», пришедшей из религиозных учений в прагматическую историю.

Итак, сто лет назад в 1916 г. Шпет поставил и фундаментально исследовал важнейшую проблему не только для логики, но и для истории, а также гуманитарных и социальных наук в целом. Фундаментальным результатом стало осознание необходимости изменений в понимании, применении и существовании самой формальной логики в различных гуманитарных науках, в первую очередь, истории. В «Материалах» представлены труды на базовых европейских языках сотен европейских историков, философов, одно перечисление имен и представленные переводы занимают до 1000 страниц. Шпет выделяет момент или стадию так называемой *философской истории*, под которой он подразумевает особую роль многовековых философских учений, внимательно относящихся к зарождению новых видов и форм знания. «Сократовский образ «повивальной бабки» включает в себе много истинного. ...момент *философской стадии* в развитии науки есть момент собственно исторический для нее, в противоположность прежнему доисторическому. ... В исторической науке этот момент наступает тогда, когда она достигает стадии спецификации своего предмета и, следовательно, приходит к идее какого-то особенного методологического единства» [4, с. 36] – объяснительной истории, в отличие не только от философии, но и юриспруденции, филологии, богословия и др., т. е. конституирование завершится созданием *научной истории*. Итак, Шпет считает необходимым отметить особую роль философии в процессе становления истории как науки и это тем более необходимо, что взаимосвязь этих областей гуманитарного знания сохраняется с необходимостью при обращении к проблеме места, роли и форм логики в историческом научном знании, что он фундаментально исследовал в 1916 г. и никем в этом не превзойден и поныне.

Исследуя дальнейшее становление исторической науки, Шпет называет *политическую историю*, которая есть изложение «деяний» с определенной точки зрения, и, как всеобщая, приближается к *философской истории*. Привносится и *телеология*, которую я понимаю в его контексте рассуждения как целенаправленное и даже закономерное развитие и его описание.

¹ Составитель тома Т.Г. Щедрина указывает, что Шпет имеет в виду «Очерки...» (1913 г.) Петрушевского.

Она, по Шпету, «остаётся для самого исторического предмета «внешней», т. е. *внешне* предначертанным планом или *внешне* заданной целью» [4, с. 37] (курсив Шпета. – прим. авт.). В контексте победившего историцизма мне это его толкование/понимание представляется важным, он осознаёт момент «привнесения», в частности, из философии, закономерного прогресса в историю и европейскую науку в целом. Он считает необходимым четко развести философию истории и науку историю, у них один предмет – исторический процесс, но разница в том, что у каждой из них своя логика и свои методы. Философия «берёт *тот же* предмет, но не в его эмпирической данности, а в его идее или его идеальной данности. Философия истории остаётся все-таки философией» [4, с. 39]. Следует также уточнить, как это делает сам Шпет, что под философией истории иногда понимают изучение не исторического процесса, а «изучение исторического *познания*, т. е. или соответствующей психологии, или соответствующей логики и методологии». При этом в употреблении терминов «теория исторического знания», «методология истории», «логика истории» в его время, добавлю, как и в наше, существует «полная разногласица».

Обсуждая и намечая во введении предельно значимые проблемы логики и методологии истории, Шпет сформулировал важнейшее и актуальное уже в его время положение: логика и методология истории не есть принципиально новая логика, «это есть та же логика, но специфицированная сообразно особенностям исторического предмета. ... История есть наука, а если современная логика для нее недостаточна, то не в силу существенных особенностей этой логики, а в силу эмпирических условий ее развития. Не нигилизм по отношению к истории из этого вытекает, а, напротив, насущное требование пополнить существующие недостатки современной логики. Но принципиально для методологии истории должен быть руководящим постулат: условия истории как науки содержатся в понятии науки, как его определяет логика и как его понимает философия. Современная логика, говорят, есть логика абстрактного, а история – конкретна, логика вообще бессильна перед конкретным, следовательно, и перед историей. Что современная логика имеет недостатки, и что она мало считалась с конкретным, кто же спорит, – но что это относится к ее сущности, что есть нечто, что может быть *выражено*, но, по существу, ускользает от логических и вообще

рациональных форм выражения, это логика у себя называет: *qui nimium probat, nihil probat*². Если только история может быть «выражена», то ее логика существует, но быть выраженной для истории, значит, не что иное как существовать, – если история существует, то значит есть и ее логика» [4, с. 49]. Этому он и посвятил свое многостраничное исследование материалов за несколько веков европейской логики, выясняя особенности ее становления и развития в гуманитарном знании, главное – в европейской науке истории и философии, начиная с XVIII в.

В обстоятельных материалах к истории как проблеме логики Шпет исследует позиции свыше тридцати наиболее значимых и известных европейских логиков и философов, развивая на этом фоне свое собственное принципиальное и концептуальное – методологическое и логическое – понимание отношения логики и истории, место и формы логики, что по-прежнему значимо и актуально. По существу, вопрос этот открыт и сегодня, именно поэтому идеи Шпета требуют специального изучения с позиций уже современной логики, эпистемологии и собственно научной истории. С изданием научно подготовленных и восстановленных материалов появилась возможность опереться на глубокое и принципиальное теоретически и методологически размышление, профессиональный анализ проблемы, поставленной, но не решенной за последние века. Шпет передает ее нам – эпистемологам, логикам и историкам XXI в., что позволяет признать его современным глубоким мыслителем, методологом и универсальным специалистом в этих проблемах.

Проблемы, поставленные Шпетом в философии, методологии и логике истории

Очевидно, что в материалах такого объема, собранного, продуманного и обоснованного для диссертации, таких проблем множество. Они возникали при обсуждении историко-философского, историко-логического материала, собственно методологии и логики истории как науки. Однако их постановка и предлагаемые решения во многом актуальны и сегодня и тем более потому, что они требуют продолжающегося исследования вместе как с развитием и современным состоянием исторической науки, так и с новыми проблемами в самой логике и философии. Шпет подчеркивает, что «со време-

² Кто доказывает слишком много, тот ничего не доказывает (лат.).

ни Аристотеля и по настоящее время внимание логики направлялось на изучение общих истин, историческим познанием не занимались, что, пожалуй, и невозможно было по состоянию древней философии» [4, с. 212]. Рассматривая исследования проблемы за века, у конкретных ученых, Шпет обязательно формулирует отношение к позиции *каждого из них*, но одновременно выделяет собственно сами проблемы и высказывает свое отношение к ним, часто предлагая свое видение и возможную дискуссию. Шпет исходил из того, что «если рассмотрение исторической проблемы может способствовать такому расширению и углублению, то оно становится прямо-таки необходимейшей проблемой современной логики» [4, с. 50]³. Однако не менее значимо это исследование стало и для понимания существа и природы исторического знания как науки, что и сегодня остается актуальной и перспективной проблемой как для исследователей истории, так и для эпистемологов и логиков социально-гуманитарного знания в целом. Остановлюсь только на том, что меня интересует как эпистемолога социально-гуманитарного и, в частности, исторического, научного знания, поскольку материал необъятен.

Представлены десятки наиболее известных философов, начиная с XVIII в., в той мере, в какой их идеи и взгляды на историю как проблему логики были значимы и в XX в. Укажу лишь тех, чьи идеи в этой области, как мне представляется, значимы и сегодня. Однако другие представители видят этот период как «неисторический» и даже «антиисторический», история понимается как «беллетристика», и сам И. Кант исключал ее из истории науки. Шпет не согласен не только с такой постановкой вопроса по отношению к истории, но и с оценкой этого века как «неисторического» в целом. При внимательном и тщательном изучении Шпетом этого вопроса обнаружилось, что, кроме Й.М. Хладениуса, взгляды которого представлялись «нетипичным» для XVIII в., окажется, что в этом веке «очень энергично разрабатывались чисто исторические вопросы при помощи исторических методов, ... закладывается фундамент основательной филологической и материальной критики, наконец, что самый предмет истории приводится к тому его пониманию, которое господствует и в XIX, “историческом” веке» [4, с. 66]. Особую позицию Шпет занима-

ет в отношении Ф. Бэкона и Д. Юма. «Логика со времени Бэкона понимается несколько своеобразно: то, что выступает с этого времени как учение об индукции, есть в сущности учение об эвристических приемах отыскания причин. Трудно было бы ожидать углубленного понимания различных научных методов, объяснений, образования понятий, характера причинности и т. д., раз эти принципиальные вопросы вовсе не ставились в логике. ... Проблема причинности, то разрешение, которое она получила у Юма, не могло обосновать ни индукции вообще, ни оказаться сколько-нибудь пригодным специально для логики исторического объяснения» [4, с. 77]. История, по Юму, становилась простым описанием, не представлявшим никакой «логической загадки», и по аналогии с естествознанием должна была искать «законы», что и представлено в его «Истории Англии», написанной на основе эмпиризма. Размышляя об этом, Шпет полагает, что *прагматическое* понимание истории, присущее этому веку, заслоняло научный метод и самый *предмет* исторической науки, и необходимо различать «переходную» стадию между прагматической и научной историей, приведшей не только к философии истории, но и к науке истории [4, с. 92].

Французское Просвещение – существенное продвижение, по Шпету, в развитии методологии истории. Его размышления о Вольтере, Монтескье, Руссо прежде всего отличаются самостоятельной позицией, что определяется задачей именно методологического анализа разных подходов к «философии истории» и наличием авторских принципов оценки такого рода трудов. Заслугу Вольтера перед «историкографией» он видит не в создании очередной всеобщей, универсальной истории, но в определенном ее «рационализировании», поскольку Вольтер выстраивает изложение на основе «некоторого объединяющего начала», «с определенной точки зрения», хотя и это оценивается критически, поскольку такой подход к истории «принципиально не отличается от ее теологического истолкования». Достаточно скептически относясь к трудам Вольтера в целом («много писал, но мало и поверхностно думал»), к неразработанной методике исследования и к «логической методологии», непоясненности введенного термина «философия истории» (он «только автор термина»), Шпет особенно «не прощает» французскому мыслителю того, что «он не продумал до конца отмеченного нами противоречия между организующим государ-

³ Шпет был убежден, что «не будучи историческими, наши исследования могут пригодиться и для исторического построения» [4, с. 67].

ством и воспитывающей национальной культурой. Вольтер не заметил того, что в этом противопоставлении коренится своего рода антиномия, что культура в своем чистом виде, как объект истории, выступает далеко не коррелятивно государству. С уничтожением идеи синхронологического соответствия *должна исчезнуть также мысль, что государство, как такое, является производителем культуры, что организация и есть уже воспитание*» [4, с. 117] (курсив мой. – прим. авт.). Как мне представляется, здесь значима не столько оценка Вольтера Шпетом, сколько высказанная им фундаментальная мысль о том, что государство не производитель культуры, а организация еще не есть воспитание, – мысль предельно значимая, но не понимаемая нами сегодня. Шпет, не приписывая в таком понимании заслуги себе, ссылается на Ж.-Ж. Руссо, который «сам оказался плохим историком и ... не видел перед собою теоретической проблемы в науке истории». Однако Руссо полагал «общество первее государства», а подлинного носителя всего социального он видел в «нации», в «народе», понимаемом им не как простая сумма индивидов, или умственных и волевых единиц, а как некоторый коллектив, представляющий собою предмет *sui generis*» [4, с. 117]. По существу, речь идет о гражданском обществе, значение которого в полной мере осознает, как мне представляется, Шпет, хотя и рассматривает проблему в контексте методологических и философских вопросов исторической науки.

Для сравнения напомним мнение современника Шпета, известного немецкого философа Э. Кассирера, справедливо отмечавшего заслуги Вольтера на пути превращения исторического знания в науку по критериям естественнонаучного знания – то самое «рационализирование», которое подчеркивал и Шпет, в отличие от Кассирера осознававший ее плюсы и минусы, например, неразличение истории политической и культурной, причем последняя не должна быть универсальной. Разумеется, «рационализм» считался существенным признаком подлинно научного знания, но, к сожалению, по Шпету, «Вольтер под этим не понимает ничего», так как имеет в виду только себя, свою деятельность как просветителя и моралиста.

Главная работа Ш.-Л. Монтескье «Дух законов» (русский перевод: СПб, 1900) привлекает Шпета прежде всего потому, что наблюдаются существенные разногласия в ее оценках либо как начала философии истории (Г. Бокль.),

либо как социологического трактата (Н.И. Кареев), либо как истока «исторической школы в праве» (П.И. Новгородцев). Отмечалось также, что ум Монтескье находился под «безусловным господством духа и принципов естественных наук» и «натуралистического детерминизма» (М. Ковалевский, Г. Лансон, В. Дильтей). Шпет четко различает «законы исторического процесса» и «законы юридические» – право, что и рассматривает Монтескье, хотя и не всегда четко их разводит, вопрос же в том, «заключается «дух законов» в их историческом развитии или в чем другом». Самостоятельную эпистемологическую ценность имеет критико-аналитический подход Шпета к сравнительному методу и к тому, как его понимает и применяет Монтескье, от чего, по существу, и зависят столь разные оценки «Духа законов». Если это учесть, по Шпету, то можно справедливо оценить идеи, концепцию и методологию Монтескье. «Не задаваясь сознательно целями исторической методологии», «не имея ничего общего с задачей установления исторического метода или принципов философской истории», он и многие другие мыслители эпохи Просвещения оказали существенное влияние на развитие исторического метода и философии истории, поэтому «они не могут быть опущены в философско-историческом и методологическом исследовании». Очевидно, что это принципиальное методологическое и историко-философское требование Шпета для исследователей эпистемологии и философии науки в сфере социального и гуманитарного знания.

Как мне представляется, Шпет был более точен и справедлив в своих оценках названных просветителей, без лишней восторженности и осовременивания. Он также более строго выдерживал собственно философско-методологическую и историческую проблематику, отделяя от нее, в частности, социологическую. В то же время такое сопоставление точек зрения позволяет увидеть существование своего рода диалога двух соотносимых «по масштабу» европейских мыслителей одного времени – обсуждения сходных или одних и тех же значимых проблем: какую роль играл рационализм в развитии исторической науки; едины ли естественная и историческая науки (против логического дуализма); какими должны быть логика и методология истории, социальных и гуманитарных наук в целом и др. Шпет пришел к выводу, что в эпоху Просвещения «новая история не имеет за собою даже попытки к теоретическому, – логическому, – оправданию.

...Недоверие к истории может быть лучше всего опровергалось положительной творческой работой в самой науке, но этого – мало» [4, с. 126]. Он специально также отмечает, что «произведения... материалистической философии не могут иметь здесь для нас значения, 1, потому, что это чисто объяснительные метафизические трактаты, меньше всего содержащие в себе методологических оснований, 2 ... 3, и это самое важное, потому, что материализм XVIII века есть *следствие* философской слабости Просвещения, а не *основание* его мировоззрения» [4, с. 127]. Шпет обосновывает еще один значимый вывод, исследуя, в частности, идеи Локка, Даламбера об эмпиризме. «Эмпиризм потому не мог увидеть проблемы исторического метода, что он сам заключает в себе исторический метод. Другими словами, *распространение и развитие эмпиризма в XVIII веке само может рассматриваться, как одно из проявлений повышенного интереса этого времени к исторической проблеме и к историзму как принципу*» [4, с. 134] (курсив Шпета. – прим. авт.). Одна из причин этого, как убежден Шпет, состоит в том, что эмпиризм, не обладая средствами для самостоятельного решения вопросов, переносит методы естествознания на всякий объект изучения. Но в таком случае возникает *методологический* вопрос: «Если история есть познание эмпирическое, как познание единичного, она должна отказаться от обычных средств логики, общих понятий, теорий, объяснений?» [4, с. 135] Вопрос «повисает», и необходимо выяснить, «в какой мере рационалистическая философия способствовала или затрудняла развитие исторического метода». «Рационализм, так тесно связанный с *логикой*, должен был бы натолкнуться и на проблему исторического познания», что детально и критически рассмотрено Шпетом. В конечном счете он приходит к важному выводу: «Историческое познание, хотя и есть познание об единичном, однако оно выражается в общей логической форме и, следовательно, у нас нет специфически исторических суждений, как особого типа суждений»⁴. Однако для методологии и логики не только философского, но и «единичного» как *логической* проблемы исторического познания, это значимо для обоснования его научного статуса, как и необходимости *расширения логики*.

Чтобы показать, как основательно он это делает по отношению к многим десяткам философов и историков, а главное – увидеть наиболее значимые и актуальные идеи для современной

логики и методологии исторического, в целом гуманитарного и социального знания, я обращаюсь вслед за Шпетом, в частности, к идеям Й.М. Хладениуса, одного из наиболее близких к данным проблемам, глубокого их исследователя уже в XVIII в. [4, с. 224]⁵. Можно согласиться со Шпетом в признании значимости его работ для рассматриваемых сегодня проблем логики и науки. Его случай – пример того, как важные идеи логики, философии по проблемам истинности знания не привлекали веками внимания, в том случае, когда они касались гуманитарных наук, в частности истории, и особенностей логики социально-гуманитарного знания. Под словом «наука» признавалось до последнего времени только естествознание, что укрепилось тем более во времена господства позитивизма. Надо было быть таким эрудированным и глубоким, преданным исследователем гуманитарных наук, как Шпет, чтобы обратить внимание на фундаментальные тексты профессора богословия Хладениуса, а главное – на поставленные в XVIII в. проблемы, значимые для логики и истории, обретающие все большее признание сегодня. Привожу некоторые выделенные Шпетом более века назад положения, которые защищал Хладениус. Наука об историческом познании составляет часть логики, введение изучения исторического познания обогащает общую логику, но без нее невозможно и само историческое познание, и наблюдение происходящих событий. Историческое объяснение принципиально отличается от физического, в котором исследователь устанавливает «*абстрактные* постоянные отношения или законы; конкретное рассмотрение отношений привело бы к антифизике. Не то в историческом объяснении, где именно в силу *конкретности* предмета и его объяснения указания с исчерпывающей полнотой не только действующих причин, но и так называемых условий и отрицательных причин, есть необходимое логическое требование. Таким образом, в историческом объяснении, по Хладениусу, мы наталкиваемся на целый ряд затруднений, которые логика вовсе не предвидит или игнорирует» [4, с. 237]. Так, «обнаруживается громадное различие: в общих истинах одно следует из другого, или одно уже содержится в другом; в истинах исторических ни в коем случае

⁴ «Расширение логики» сегодня привело к новой проблеме – неформальной логике.

⁵ Основные его работы, на которые ссылается Шпет: *Logica practica* (1742) и *Allgemeine Geschichtswissenschaft* (1752). Идеи и положения этих работ рассматриваются Шпетом достаточно подробно именно с точки зрения логики и исторического познания.

нельзя утверждать, что *последующее* содержится в *предшествующем*. ... Поэтому с самого начала мы различали *историю* от *познания* истории, откуда возникает величайшее различие между познанием *общим* и *историческим*. Первое есть исключительно *человеческое познание* и произведение человеческого ума, *история* не есть человеческое познание, она происходит и тогда, когда никого нет, кто бы ее познавал» [4, с. 238]. Богатейшие, по сути, базовые, идеи Хладениуса мало известны сегодня как историкам, так и эпистемологам, и исследования Шпета, его переводы и обстоятельный комментарий – основа для изучения и осмысления проблемы логики исторической науки. Однако конкретное развитие логики гуманитарных наук, истории в частности, пошло по другому пути, что Шпет обстоятельно и исследовал в своих «Материалах» более века назад.

Шпет немало страниц посвятил Канту, его статье «Идея всеобщей истории с космополитической точки зрения» (1784) и ряду других текстов и проблем, но, как мне представляется, великий специалист по проблемам познания не увлек его своими идеями об историческом познании. Прежде всего он развел позиции И.Г. Гердера, историка, автора известного фундаментального труда «Идеи к философии истории человечества» (1784–1791, русск. перевод 1977), и Канта, поскольку они резко разошлись в понимании истории. Обращение Шпета к Гердеру имело целью показать, что он, ушедший в богословие, был завершением эпохи Просвещения и после него история стала иметь «совершенно *новый* характер», однако не связанный с идеями Канта. Это означает, что Шпет не переоценивает роли Канта в исследовании проблематики исторической науки. Он считает его, прежде всего, недостаточно сведущим собственно в исторической науке и ее логике, однако ценит ряд важных высказанных им положений. Особенность кантовского подхода к истории в том, что он признает влияние природных факторов базовыми и определяющими для истории общества.

Шпет достаточно подробно показывает, как эта мысль развивается в работах Канта, в частности, в его «*Idee zu allgemeiner Geschichte in weltbürgerlicher Absicht*» (1784) [4, с. 305–320]⁶, где он исходит из того, что «человеческие по-

ступки, точно так же как и всякое другое естественное событие, определяются по общим естественным законам. ... Отдельные люди и даже целые народы... следуют цели природы, – которая им даже неизвестна, – как руководящей нити...» [4, с. 305] Внимательно изучая ход мысли Канта в этой работе, считающейся главным философско-историческим произведением Канта, Шпет приходит к выводу о его позиции: «*философия истории, как рациональное учение об истории, невозможна; наука истории, как собственно наука – невозможна* (курсив Шпета. – прим. авт.); самое большее, что здесь возможно, это – писание и систематическое изображение по времени и месту, далекое от ранга науки. ... спрашивать после этого, как возможна история, как наука, лишено смысла... Мы приходим, другими словами, по отношению к истории как науке к чистому *логическому нигилизму*...» [4, с. 307]⁷. Однако, приходит к выводу Шпет, «Кант преследует в своей “Идее” иную цель, он хочет найти «руководящую нить» для будущих Кеплера и Ньютона истории, мало того, настаивает на том, что в истории может быть открыт «правильный ход» и даже «законы природы» [4, с. 307]. Итак, для Канта история, как антропологическое знание, т. е. *практический разум*, должна развиваться подобно естественным наукам и образец для нее – деяния крупнейших естествоиспытателей. Очевидно, что тема «Кант и история как наука» недостаточно изучена, несомненно, значителен вклад Г.Г. Шпета в исследование этой темы, как и «истории как проблемы логики», но мало замечен интерес к этим проблемам у современных методологов-историков и эпистемологов гуманитарного знания.

Рассмотренные проблемы – лишь часть из множества серьезных и плодотворных методологических проблем исторического знания, поставленных и исследованных Шпетом. Выше рассматривалась история как проблема логики (методологии), но не был затронут один из базовых вопросов – особенности самой «логики эмпирических наук, которая есть прежде всего логика истории», какова ее природа и как она соотносится с классической логикой. Для него очевидно, что «историческое познание есть познание интерпретирующее, герменевтическое, требующее понимания. Логика исторического познания ... есть логика принципиально семасиологическая,

⁶ Следует отметить, что перевод на русский сегодня – «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» (1994), тогда как Шпет переводит «*in weltbürgerlicher Absicht*» как «в космополитическом отношении» и поясняет понимание этого термина Кантом, использующем в тексте в этой его форме.

⁷ В примечании 11 Шпет добавляет: в «Критике чистого разума» он «уже отрезал все пути выхода к истории как науке».

принципиально всеобъемлющая. Но через это и философия как знание, излагаемое по этой логике, становится в особо углубленном смысле исторической философией или также герменевтической, уразумевающей философией. Такова печать логики на философию» [5, с. 304–305].

Несомненна необходимость обратиться ко второй части труда «История как проблема логики» Г.Г. Шпета, где им исследуются проблемы более близкого к нам периода, в том числе и актуальные сегодня, что предполагается рассмотреть в дальнейшем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Микешина Л.А. Современная эпистемология гуманитарного знания: междисциплинарные синтезы. М.: РОССПЭН, 2016.
2. Микешина Л.А. Эпистемология ценностей. М.: РОССПЭН, 2007.
3. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики // Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 327–345.
4. Шпет Г.Г. История как проблема логики. Критические и методологические исследования Ч. 1. Материалы. М.–СПб.: Университетская книга, 2014.
5. Шпет Г.Г. Мудрость или разум? // Шпет Г.Г. Философские этюды. М.: Прогресс, 1994. С. 222–336.
6. Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии. II. Материалы. Реконструкция Т.Г. Щедриной. М.: РОССПЭН, 2009.
7. Щедрина Т.Г. Публикации или реконструкции? Проблемы текстологии в историко-философском исследовании // Вопросы философии. 2008. № 7. С. 130–140.

REFERENCES

1. Mikeshina, L.A., 2016. *Sovremennaya epistemologiya gumanitarnogo znaniya: mezhdistsiplinarnye sintezy* [Modern epistemology of knowledge in the humanities: interdisciplinary syntheses]. Moskva: ROSSPEN. (in Russ.)
2. Mikeshina, L.A., 2007. *Epistemologiya tsennostey* [Epistemology of values]. Moskva: ROSSPEN. (in Russ.)
3. Heidegger, M., 1993. *Osnovnye ponyatiya metafiziki* [Basic concepts of metaphysics]. In: Heidegger, M., 1993. *Vremya i bytie. Stat'i i vystupleniya*. Moskva: Respublika, pp. 327–345. (in Russ.)
4. Shpet, G.G., 2014. *Istoriya kak problema logiki. Kriticheskie i metodologicheskie issledovaniya. Ch. 1. Materialy* [History as a problem of logic. Critical and methodological studies. Part 1. Materials]. Moskva–Sankt-Peterburg: Universitetskaya kniga. (in Russ.)
5. Shpet, G.G., 1994. *Mudrost' ili razum?* [Wisdom or reason?]. In: Shpet, G.G., 1994. *Filosofskie etyudy*. Moskva: Progress, pp. 222–336. (in Russ.)
6. Shpet, G.G., 2009. *Ocherk razvitiya russkoy filosofii. II. Materialy. Rekonstruktsiya T.G. Shchedrinoy* [An essay on the development of Russian philosophy. II. Materials. A reconstruction by T.G. Shchedrina]. Moskva: ROSSPEN. (in Russ.)
7. Shchedrina, T.G., 2008. *Publikatsii ili rekonstruktsii? Problemy tekstologii v istoriko-filosofskom issledovanii* [Publications or reconstructions? Problems of textology in the field of history of philosophy], *Voprosy filosofii*, no. 7, pp. 130–140. (in Russ.)